

В. А. ПАВЛОВ

КРАТЕР

ИЛИ

БЕЗДНА

В.А. Павлов

КРАТЕР ИЛИ БЕЗДНА

«Автор»

2026

Павлов В.

КРАТЕР ИЛИ БЕЗДНА / В. Павлов — «Автор», 2026

В древнем кратере, оставшемся после падения гигантского астероида, учёные обнаруживают аномалию, которая не поддаётся объяснению. Геофизик Алексей Воронцов и астрофизик Ева Рейнхардт отправляются в экспедицию, чтобы исследовать загадочную шахту, уходящую на десятки километров в глубину Земли. Приборы фиксируют невозможное: идеально ровный тоннель неизвестного происхождения, скрытый под слоями древних пород. Спускаясь всё глубже, учёные понимают, что под кратером находится огромный подземный мир. Связь с поверхностью начинает исчезать, приборы улавливают странные сигналы, а в темноте глубин обнаруживаются структуры, которые не могли появиться миллионы лет назад. Экспедиции предстоит узнать правду о том, что скрывает кратер: древнюю технологию, забытый подземный город... или настоящую бездну.

© Павлов В., 2026

© Автор, 2026

В.А. Павлов

КРАТЕР ИЛИ БЕЗДНА

Это художественное произведение. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны.

Некоторые географические объекты и научные данные могут быть основаны на реальных исследованиях, однако в сюжете они используются исключительно в художественных целях.

Пролог

Сигнал из глубины

Первые странности появились ночью.

На буровой станции в северной части кратера почти все спали. Лишь несколько инженеров наблюдали за приборами, следя за очередным этапом геофизического исследования.

Ничего необычного не ожидалось.

Скважина уходила уже почти на восемь километров вглубь древнего ударного кратера — огромного шрама на теле планеты, оставшегося после катастрофы, уничтожившей динозавров.

Работа шла рутинно.

До тех пор, пока приборы не начали сходить с ума.

Сначала это заметил молодой оператор.

Он нахмурился и постучал пальцем по экрану.

Сейсмический график вдруг оборвался.

Будто под буром исчезла Земля.

— Эй... — сказал он тихо. — Это что ещё такое?

График снова дернулся.

И снова провалился вниз.

Система показывала пустоту.

Не породу.

Не полость.

А идеально ровную вертикальную шахту.

Оператор быстро вызвал старшего инженера.

Через пять минут вокруг монитора стояло уже шесть человек.

Никто не говорил.

На трёхмерной модели медленно проявлялась структура.

Цилиндр.

Гладкий.

Слишком правильный.

Он уходил вниз, глубже буровой скважины, глубже известных геологических слоёв.

Гораздо глубже.

— Это ошибка модели, — наконец сказал инженер.

Но голос его звучал неуверенно.

Компьютер пересчитал данные.

Модель появилась снова.

Тот же цилиндр.

Та же глубина.

Те же идеально ровные стены.

— Природной структуры такой формы быть не может, — тихо произнёс один из геологов.

В этот момент система глубинного сканирования показала новую цифру.

Десять километров.

Пятнадцать.

Двадцать.

Сканер продолжал строить модель.

Шахта уходила дальше.

И вдруг система остановилась.

На экране загорелась строка:

Глубина — неизвестна.

Будто Земля под кратером была полой.

Через несколько часов эти данные легли на стол двум учёным, которым предстояло первыми спуститься туда.

Они ещё не знали, что кратер был лишь дверью.

И что на самом деле скрывалось под ним.

Алексей Воронцов не любил спускаться под землю.

Он мог часами смотреть на геологические карты, сопоставлять слои, вычислять возраст пород, спорить о природе ударных структур, но любая шахта, любой глубокий колодец, любой узкий спуск вызывали в нём не страх даже, а глухое раздражение, будто сама идея уходить вниз противоречила человеческой природе. Человек должен был строить башни, запускать спутники, врываться вверх. Всё остальное казалось уступкой древней тьме.

Поэтому, когда он вышел из жилого модуля на край буровой площадки и увидел кратер в предрассветной синеве, настроение у него не улучшилось.

С поверхности кратер почти не производил впечатления. Не было того величия, которое рисует воображение при слове «бездна». Лишь пологая, слишком широкая воронка, прорезанная подъездными дорогами, увешанная тросами, антеннами, строительными фермами. Серый камень, пятна глины, металлические леса, жёлтые огни техники, которые ещё горели после ночной смены. Всё выглядело почти буднично, пока взгляд не цеплялся за центральную шахту — чёрный, ровный круг в глубине кратера, словно кто-то прожёт землю гигантским сверлом.

Оттуда шёл холод.

Не ветер, не влажность глубины, а именно холод, лишённый температуры. Алексей не сразу нашёл для этого ощущение слово и потому рассердился на себя ещё сильнее.

— Ты опять смотришь так, будто тебя ведут на казнь.

Он обернулся. Ева Рейнхардт стояла у перил, застёгивая высокий воротник термокуртки. Седоватый свет утра делал её лицо почти бескровным. Она не улыбалась, но в голосе чувствовалась та сухая насмешка, которую она позволяла себе только с ним.

— На казнь людей обычно не просят подписать двадцать четыре формы согласия, — ответил Алексей.

— В международных проектах просят.

— Тогда это ещё хуже.

Ева посмотрела вниз, в сторону шахты. Долго, не мигая, словно пыталась услышать что-то сквозь расстояние и металл. У неё была привычка так замирать: неподвижность не рассеянного человека, а того, кто ушёл в расчёт. Алексей успел узнать её достаточно, чтобы не принимать эту холодность за бесстрашие. Когда Ева молчала дольше обычного, это означало, что дело плохо.

— Они готовы? — спросил он.

— Подъёмный модуль проверили ночью. Кабели в норме. Резервное питание тоже. Скафандры откалиброваны. — Она перевела взгляд на него. — Если ты хочешь услышать, что спуск отменён, я тебя разочарую.

— Я хочу услышать, что наши данные были ошибкой.

— Не были.

Она произнесла это без нажима, как констатацию плотности породы или атмосферного давления. В этом и заключалась её сила: она не повышала голос, не давила авторитетом, не спорила дольше необходимого. Она просто отрезала лишнее. Иногда Алексей ловил себя на том, что именно это в ней раздражает больше всего.

А может быть, наоборот.

Они прошли к центральному модулю станции. За прозрачной перегородкой уже суетились техники, на экранах плыли схемы шахты, столбцы цифр, пульсирующие зелёные линии связи. На большом основном мониторе снова висела трёхмерная модель: кратер, слои породы, буровая скважина и под ней — идеальный цилиндр, уходящий вниз. Не шахта, а геометрическая мысль, врезанная в недра.

Алексей остановился перед экраном.

Эта структура всё ещё казалась ему оскорблением здравого смысла. В природе не было ничего настолько аккуратного на такой глубине. Вулканические каналы давали трещины, карстовые провалы — неровные пустоты, древние магматические интрузии ломали симметрию, как сухие кости. Здесь же линии были почти безупречны. Диаметр цилиндра не менялся. Стенки не отклонялись. Компьютер не находил следов осыпей. И главное — ни один из методов сканирования не фиксировал дна.

— Доброе утро, доктор Воронцов.

К нему подошёл начальник смены Ортега — плотный, усталый человек с красными глазами, в которых не было сна уже двое суток.

— Надеюсь, вы выспались лучше нас.

— Судя по вашему лицу, это несложно.

Ортега криво усмехнулся и кивнул на экран.

— Ночью мы снова прогнали импульсное сканирование. Та же картина. На отметке сорок два километра сигнал рассеивается. Не отражается, не гаснет, а будто перестаёт подчиняться модели.

— Среда меняется? — спросил Алексей.

— Или геометрия, — ответила за него Ева.

Ортега неохотно согласился:

— Именно это и не нравится инженерам. У нас такое ощущение, будто ниже начинается пространство с другими параметрами. Я понимаю, как это звучит.

— Плохо, — сказал Алексей.

— Для отчёта — очень плохо.

Он ещё некоторое время смотрел на модель, а потом заставил себя отвести взгляд. Беда науки заключалась в том, что самые опасные вещи выглядели не страшно, а красиво. Стройность аномалии возбуждала ум сильнее, чем тревожила инстинкт.

Ева протянула ему планшет.

— Ознакомься.

— Я уже подписал всё, что можно.

— Это не форма. Это последние показания датчиков.

Он взял планшет. На экране шли графики температуры, давления и магнитных отклонений. До определённой глубины данные выглядели ожидаемо, затем линии начинали вести себя странно: температура падала там, где должна была расти; давление менялось скачками, словно датчики проходили через карманы с разной плотностью; магнитное поле дрожало короткими ритмическими импульсами.

— Похоже на помехи, — сказал он.

— Похоже на сигнал, — ответила Ева.

Алексей поднял на неё глаза.

— Ты сама в это веришь?

— Я верю цифрам. Они пока убедительнее людей.

— Прекрасный девиз для экспедиции.

Она не ответила. Только забрала планшет и пошла в сторону шлюзового отсека. Алексей несколько секунд смотрел ей вслед. Высокая, собранная, сдержанная, она двигалась с той экономией, которая бывает у спортсменов и хирургов. В её походке не было ничего демонстративного, но именно поэтому на неё все невольно оглядывались.

Он догнал её уже у шкафа со снаряжением.

— Послушай, — сказал он тише. — Я всё ещё не понимаю, почему идём мы. У тебя астрофизика, у меня геофизика. Для первичного спуска нужны горные инженеры и спасатели.

— Спасатели не умеют читать то, что мы можем там увидеть.

— А если там нечего читать?

— Тогда ты получишь своё любимое право сказать: «Я предупреждал».

Алексей усмехнулся.

— Щедро.

Они начали надевать спусковые костюмы. Материал был тяжёлым, гибким только в суставах; встроенные датчики плотно обжимали запястья и шею. Шлемы пока лежали на столе, матовые, с тёмными лицевыми панелями. В соседнем отсеке техники проверяли карабины, кабели, дыхательные блоки, аварийные маяки. Всё это звенело, щёлкало, коротко пищало — обычная музыка любой экспедиции. И всё же за рабочей суетой чувствовалось напряжение. Никто не говорил лишнего. Никто не шутил.

Слишком многие уже успели посмотреть на шахту вживую.

Перед самым выходом их остановил Ортега.

— Правила простые. На отметке пятьсот метров делаете первую остановку. Проверяете связь, состав воздуха, вибрацию стенок. Если всё стабильно — идёте дальше по протоколу. Ни одного самостоятельного отклонения, ни одного решения в обход центра. Поняли?

— Да, — ответила Ева.

Алексей кивнул.

Ортега замялся и, снизив голос, добавил:

— И ещё. Если услышите что-нибудь странное по связи, сразу сообщайте. Ночью несколько человек жаловались на шум.

— Какой именно? — спросил Алексей.

— Словно кто-то говорит очень далеко. Но это, вероятно, наложение частот.

— Вероятно, — повторил Алексей.

Ортега не выдержал его взгляда и отвернулся.

К шахте вела узкая металлическая галерея. Солнце уже поднялось над краем кратера, но сюда свет почти не доходил. Чем ближе они подходили, тем сильнее менялся воздух. Исчезали обычные запахи станции — дизель, смазка, тёплый пластик, пыль. Им на смену приходил сухой минеральный холод с едва заметной горечью, будто камень внизу медленно истирал сам себя.

Ограждение кончилось внезапно.

Шахта открылась перед ними без предупреждения — огромная, круглая, невозможная. Алексей видел её на записях, на схемах, в режиме прямой съёмки, но только теперь понял, насколько всё это было бессильным пересказом. Пространство проваливалось вниз отвесным цилиндром, и глаз не мог удержать масштаб. Лучи прожекторов, направленные вглубь, растворялись, не достигая видимого дна. По стенам тянулись слабые полосы металлического блеска, словно в породе были вплавлены незнакомые жилы. Идеальная окружность делала зрелище ещё тревожнее: не было ни выступов, ни трещин, ни привычной для камня случайности.

— Красиво, — сказала Ева.

— Отвратительно, — ответил Алексей.

— Это не противоположности.

Он промолчал.

Подъёмный модуль уже висел над шахтой — узкая решётчатая платформа с защитными дугами и центральной лебёдкой. Два страховочных троса уходили вверх к кранам, основные кабели — вниз, в черноту. Техник показал им места, закрепил карабины, проверил замки на поясах.

— Канал связи открыт. Видео идёт. Биометрию видим, — сказал он и, помедлив, добавил: — Удачи.

Такие слова всегда звучали одинаково фальшиво, но сейчас Алексей был даже благодарен за эту фальшь. Она возвращала происходящее в человеческие размеры.

Они встали на платформу друг напротив друга. Металл под ногами дрогнул. Где-то наверху коротко свистнула лебёдка.

Ева опустила лицевую панель шлема.

— Готов?

Алексей посмотрел вниз.

В глубине, далеко под ними, будто на пределе зрения, на миг вспыхнула бледная точка. Он моргнул, и она исчезла. Возможно, отблеск прожектора. Возможно, усталость. Возможно, ничего.

— Нет, — честно сказал он. — Но поехали.

Платформа качнулась и начала медленно опускаться.

Край шахты поплыл вверх. Свет станции, небо, конструкции буровой — всё осталось там, на поверхности, словно в другом мире, слишком светлом и плоском, чтобы быть настоящим. Стены цилиндра скользили мимо без единого изъяна. Только местами под прозрачным блеском проступали тёмные вкрапления, похожие на письма, которые не удавалось рассмотреть.

Алексей почувствовал, как у него участился пульс.

— Центр, это спуск-один, начали движение, — спокойно сказала Ева в микрофон.

Из динамика пришёл голос Ортеги:

— Принято. Скорость штатная.

Платформа опускалась всё глубже.

И у Алексея возникло отчётливое, почти физическое чувство, что шахта не просто принимает их внутрь.

Она замечает их.

Первые сто метров прошли в почти оскорбительной тишине.

Алексей ожидал скрежета тросов, дробного эха, осыпающейся пыли, хоть какого-то признака того, что они спускаются в живую толщу земли. Но шахта будто не желала признавать их присутствие. Стены уходили вверх и вниз без единого излома, без случайной трещины, без тёмного уступа, за который мог бы зацепиться взгляд. Свет прожекторов на платформе скользил по ним, как по полированному камню, и не задерживался. Казалось, луч не освещает поверхность, а только подтверждает её существование.

— Высота девяносто два метра, — отозвался в шлеме голос Ортеги. — Связь стабильная. Биометрия в норме.

Ева коротко подтвердила приём.

Алексей посмотрел вверх. Круг света, оставшийся на краю шахты, уже уменьшился и стал похож на бледное утреннее небо, увиденное со дна колодца. Металлические конструкции станции теряли очертания. Ещё немного — и всё, что происходило наверху, можно будет принять за воспоминание.

Он заставил себя перевести взгляд на стену слева.

— Ты это видишь? — спросил он.

На матовой серой поверхности едва заметно тянулась более тёмная полоса, почти неотличимая от окружающего камня. Она шла строго вертикально, ровная, как след инструмента.

— Вижу, — ответила Ева. — Такая же справа. И ещё две ниже.

— Следы обработки?

— Или структура самого материала.

— Материал — не порода.

— Скорее всего.

Она произнесла это без привычной сухости. Алексей уловил в её голосе редкую осторожность. Он снова посмотрел на стену. На вид — камень. На приборных картах — не камень. На ощупь проверять не хотелось.

Платформа опускалась медленно, почти торжественно. Где-то глубоко под ними ждал не просто объект. Ждала неизвестность, которая успела уже навязать свои правила: идеальная геометрия, неподчиняющаяся глубина, сигналы, похожие на речь. Всё это выглядело слишком выверенным, чтобы быть случайностью, и слишком чужим, чтобы быть частью привычного мира.

— Сто пятьдесят метров, — сообщил центр.

Свет станции сверху теперь был не кругом, а мутным пятном. Воздух становился суше. Алексей не чувствовал запахов, только странную пустоту в лёгких, будто вместе с каждым вдохом в организм входило меньше, чем должно. Давление в костюме оставалось стабильным, датчики не показывали отклонений, и всё же тело первым замечало ложь любой аппаратуры.

Он проверил запястный экран. Частота пульса была выше нормы.

— Не нервничай, — сказала Ева.

— Я спокоен.

— Биометрия считает иначе.

— Биометрия может ошибаться.

— Возможно. Но сейчас она явно не на твоей стороне. Он невольно усмехнулся. Ева никогда не шутила, чтобы разрядить обстановку. Её ирония была чем-то вроде инструмента — коротким касанием, проверкой, насколько человек ещё держится.

Платформа качнулась.

Совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы Алексей резко схватился за поручень. Тросы над головой ответили низким металлическим гулом. В ту же секунду в шлеме ожил голос Ортеги:

— Спуск-один, у нас короткое отклонение натяжения. Без паники. Повторяю: без паники. Корректируем.

— Принято, — сказала Ева.

Алексей не ответил. Он смотрел вниз.

На мгновение ему показалось, что тьма под платформой не неподвижна. Что она не просто лежит в глубине, а медленно поворачивается, словно огромное зрачковое поле, в центре которого они висят. Иллюзия была слишком отчётливой, почти осязаемой. Он моргнул — и ощущение ушло, оставив после себя досаду.

— Что? — спросила Ева.

— Ничего. Показалось.

— На такой глубине лучше замечать всё, что кажется.

— Даже если это ерунда?

— Особенно если это ерунда. Опыт показывает, что самые плохие вещи всегда начинаются как ерунда.

Они прошли отметку двести метров.

Теперь стены изменились. Не цветом — светом. Сначала Алексей решил, что прожекторы дают странный боковой отблеск, но через несколько секунд понял: тусклое свечение исходит из самой поверхности. Неяркое, синевато-серое, будто камень хранил в себе ночной холод и понемногу отдавал его обратно.

— Центр, у нас наблюдается фоновая люминесценция стенок, — сообщила Ева. — Слабая, равномерная. Запишите.

— Записываем, — ответил Ортега после небольшой паузы. — Наши камеры тоже её видят. Спектр пока не определили.

Алексей поднял ладонь в перчатке к ближайшей стене, не касаясь её.

Свечение усилилось.

Он замер.

— Ева.

Она повторила его движение. И тоже остановилась.

Тусклая полоса на стене, напротив её руки, разгорелась на тон глубже, как если бы материал реагировал на тепло тела, электрическое поле или сам факт приближения живого объекта.

— Ты это фиксируешь? — спросил Алексей.

— Да.

— Не нравится мне это.

— А мне нравится ещё меньше то, что тебе удалось сказать это прежде меня.

Они одновременно отступили на полшага, и свет снова погас, вернувшись в прежнюю серую тусклость.

Некоторое время оба молчали.

Потом Ева сказала:

— Эта структура реагирует.

— Реакция на излучение костюма?

— Возможно.

— Или на нас.

Она не возразила.

Голос из центра пришёл с лёгкой трещиной, будто между словами проскочил песок:

— Спуск-один, повторите последние наблюдения. У нас провал по частотам.

Ева повторила сообщение. На этот раз треск стал сильнее. Последние два слова Ортеги были почти неразличимы.

Связь начинала расползаться раньше, чем ожидалось.

Отметка триста метров.

Шахта больше не казалась просто цилиндром. Чем дольше Алексей смотрел, тем отчетливее видел, что ровность стен обманчива. Под слоем серо-чёрного вещества угадывались вертикальные контуры, тянущиеся вниз как рёбра. Некоторые были шире, некоторые уже, но все подчинялись одному ритму, словно поверхность собирали не из природных массивов, а из гигантских сегментов.

— Будто внутренняя обшивка, — сказал он.

— Да.

— Для чего нужна шахта такого размера?

— Для того, что больше нас.

— Это не ответ.

— Других пока нет.

Слева, в глубине, мелькнуло что-то светлое.

Не вспышка и не отсвет прожектора. Скорее короткая вертикальная черта, как если бы между рёбрами стены на мгновение открылся просвет, полный бледного света. Алексей резко повернул голову, но увидел только гладкую поверхность.

— Там было окно, — сказал он.

— Где?

— На девять часов. Метрах в тридцати ниже.

Ева посмотрела в указанном направлении. Платформа опускалась; нужный участок стены уже был напротив них. Ничего. Только серый блеск и тёмные линии.

— Может, бликовая деформация визора, — сказала она.

— Может.

Он знал, что нет. Это видение слишком хорошо отпечаталось в памяти. Узкая вертикаль света, будто щель в огромной закрытой двери.

У отметки триста пятьдесят метров центр приказал сделать короткую остановку.

Лебёдка замедлилась, платформа дрогнула и застыла в воздухе. Тишина ударила сильнее движения. Когда металл перестаёт вибрировать, человек внезапно понимает, насколько полагайся на этот шум как на доказательство реальности. Теперь не было ничего — только дыхание в шлеме, негромкое щёлканье систем костюма и шахта вокруг, слишком большая для двух людей.

— Проверка воздуха, вибрации, магнитного поля, — сказал Ортега. — Работаем по протоколу.

Ева достала с панели боковой анализатор. Алексей включил ручной сканер. Голубые цифры побежали по экрану.

Воздух оставался пригодным, хотя необычно сухим. Пыли почти не было. Датчики улавливали лишь следы микрочастиц неизвестного происхождения. Давление держалось в норме. Радиационный фон слегка превышал ожидаемый, но опасным не был.

— Вибрация отсутствует, — сказал Алексей. — Совсем.

— Подтверждаю, — ответила Ева. — Для объекта такой глубины это неестественно.

— Ты имеешь в виду: здесь не чувствуется Земля.

— Именно.

Под ними должна была чувствоваться Земля — тяжесть пород и давление глубин. Но шахта казалась вырезанной из этого порядка. Здесь не было глубины как геологического процесса. Здесь было пустое внутреннее пространство, отгороженное от мира собственными законами.

И тогда они услышали звук.

Сначала Алексей подумал, что это помеха связи — короткий шорох, почти шёпот. Но треск не исчез. Напротив, стал отчётливее. Не из динамика. Из самой шахты.

Он поднял голову.

Звук шёл сверху и снизу одновременно, словно кто-то очень далеко проводил ногтем по краю огромного стеклянного сосуда. Это был тонкий протяжный звук, от которого неприятно сводило зубы.

— Центр, вы это слышите? — спросила Ева.

Пауза.

Потом голос Ортеги, заглушённый шумом:

— Повторите. Связь нестабильна.

— Акустический феномен в шахте. Высокочастотный протяжный тон.

— Наши микрофоны... не... фиксируют... Повторяю, не фик...

Связь оборвалась на полуслове и тут же вернулась.

Алексей медленно повернулся, пытаясь понять источник. Звук словно двигался по кругу, описывая внутреннюю поверхность цилиндра. В какой-то момент ему показалось, что он складывается в ритм, в почти различимую последовательность долгих и коротких отрезков.

— Это не просто шум, — сказал он.

— Я тоже слышу периодичность.

— Морзе?

— Слишком сложно для морзе. И слишком ровно.

Звук исчез так же внезапно, как появился.

Оба замерли, ожидая продолжения. Ничего.

Только сухая тишина.

— Записалось? — спросил Алексей.

— Да. По крайней мере, мой шлем пишет.

— Хорошо.

Он не добавил, что звук показался ему знакомым. Не формой — чувством. Нечто подобное он слышал в детстве, когда в доме старого деда зимой запевал ветер в печной трубе. Тогда, лёжа в темноте, он был уверен, что по ту сторону кирпича кто-то зовёт его по имени. Утром всё объяснялось физикой. Ночью — ничем.

Лебёдка снова заработала.

Пятьсот метров.

Стены теперь светились чаще, местами складываясь в бледные вертикальные рисунки. Они вспыхивали и гасли так слабо, что зрение не успевало решить, реальны они или нет. Иногда Алексей видел подобие сетки, иногда — длинные овальные пятна, похожие на отпечатки ладоней. Один раз в глубине справа проступили концентрические дуги, будто там за поверхностью шёл скрытый свод.

— Мне это не нравится.

— Ты уже это говорил.

— Потому что здесь что-то происходит.

Ева ничего не сказала. Она держалась за поручень и внимательно прислушивалась.

— Что?

— Запах, — сказала она.

Алексей замер.

Через фильтры шлема действительно проходило едва заметное ощущение — не запах даже, а след. Озон? Металл после грозы? Слишком тонко, чтобы определить.

— Откуда он может взяться?

— Не знаю.

— Центр, — вызвала Ева, — у нас в воздухе новая примесь. Вероятно, летучее соединение. Запах — металлический, озоновый. Подтвердите по датчикам.

Связь молчала дольше обычного.

Наконец пришёл ответ, разрезанный помехами:

— Датчики... без изменений... Если ощущение сохраняется, готовьтесь к возврату на контрольную...

Конец фразы утонул в хрипе.

— Вот и поговорили, — сказал Алексей.

В этот момент платформу снова качнуло.

На этот раз сильнее.

Они одновременно ухватились за дуги. Сверху донёсся долгий скрип канатов.

— Центр!

Ответа не было.

Только сухой шум.

Платформа дёрнулась и остановилась. Свет на пульте моргнул. Один из боковых прожекторов погас, другой вспыхнул с удвоенной яркостью, выхватив из темноты участок стены в десяти метрах справа.

Алексей увидел её сразу.

Дверь.

Или то, что больше всего походило на дверь в мире, где никто никогда не видел дверей. Высокий вертикальный контур, вписанный в стену, отличался от остальной поверхности едва заметным углублением и тонкой светящейся рамкой. По центру шёл ряд маленьких геометрических знаков, слишком чётких для природной структуры.

— Ева.

— Вижу.

Её голос впервые дрогнул.

Прожектор мигнул, но успел удержать картину ещё несколько секунд. Рамка тускло светила. Знаки — если это были знаки — словно шевелились, когда на них смотрели боковым зрением. Не текли, не меняли форму, а как будто существовали в нескольких положениях одновременно.

— Это вход, — сказал Алексей.

— Или люк.

— Нам нельзя приближаться без команды сверху.

— Сверху сейчас нет команды.

Словно в ответ на её слова, в наушниках треснуло. Голос Ортеги прорвался обрывком:

— ...едленно поднимаем... слышите? Немедленно... не остава...

И снова тишина.

Платформа не двигалась.

Алексей быстро проверил панель. Индикатор основного подъёма горел жёлтым. Автоматика ждала внешнего сигнала, который не проходил.

— Они пытаются поднять нас, — сказал он.

— Но что-то не даёт.

— Не говори так.

— Почему? Это правда.

Она шагнула к краю платформы, ближе к стене с контуром.

— Ева, стой.

— Мы зависли напротив искусственного входа в объекте, которого не должно существовать. Если автоматика не восстановится, нам всё равно придётся принимать решение здесь, а не наверху.

— Решение какое? Выйти на стену? На пятистах метрах? В неизвестную конструкцию?

— Не сейчас. Сначала понять, что с системами.

Она опустила на одно колено у кабельного узла, открыла боковую панель и начала проверять внутренние соединения. Движения её были быстрыми, точными. В такие моменты Алексей особенно чувствовал разницу между ними: он ещё думал, а она уже всё просчитывала. Но именно сейчас это спокойствие раздражало до злости.

— Ты всегда так ведёшь себя, когда всё идёт к катастрофе? — спросил он.

— Только если катастрофа требует инструментов.

— А если она требует страха?

— Тогда этим занимаешься ты.

Он хотел ответить резко, но не успел.

Контур в стене вспыхнул.

Свет появился изнутри стены и медленно прошёл по рамке сверху вниз. В центре появились семь знаков. Ни один из них не напоминал буквы известных алфавитов. Скорее совокупность линий, дуг и точек, удерживаемых в очень строгом порядке. Алексей почувствовал, как под шлемом у него холодеет лоб.

— Ева...

Она подняла голову.

— Не двигайся.

Свет прошёл по рамке ещё раз.

Потом раздался тот самый звук — стеклянный, высокий, болезненно тонкий, — но теперь он шёл только от этого участка стены. Внутри него появилось низкое, почти неслышимое дрожание. И Алексей с ужасом понял, что это похоже на работу механизма, слишком большого, чтобы человеку хотелось представить его целиком.

Контур начал раскрываться.

Стена не открылась ни в сторону, ни наружу. Часть поверхности просто ушла внутрь, и между светящейся рамкой появилась чёрная вертикальная щель.

Из неё ударил тот самый металлический запах — сильнее, явственнее, с холодной примесью чего-то незнакомого, сухого и древнего, как воздух в помещении, которое не открывали тысячелетиями.

Ева медленно поднялась.

Платформа висела в нескольких метрах от открывшегося прохода.

Связь молчала.

Шахта словно исчезла вокруг. Остались только они двое, слабый свет прожектора и чёрная щель в стене, которой ещё минуту назад не было.

Алексей почувствовал, как сжимаются пальцы в перчатках.

В эту секунду он понял: всё, что было до этого — странные данные, идеальная форма шахты, непонятные звуки и обрывки сигналов — ещё можно было объяснить наукой. Но открывшийся проход уже не оставлял такой возможности. Это было либо приглашение, либо ловушка. А может, и то и другое.

Из темноты за рамкой донёсся едва различимый ритмичный звук.

Не шаги.

Не механика.

Скорее медленный пульс чего-то, что только что узнало о них.

И платформа, будто отвечая этому невидимому сердцебиению, ещё раз коротко дрогнула в воздухе.

Они молчали.

Платформа висела в нескольких метрах от чёрной щели в стене. Свет прожектора падал под углом, выхватывая только край проёма. Всё, что было внутри, оставалось в густой, непрозрачной темноте.

Алексей чувствовал, как у него пересыхает во рту.

— Ева... — тихо сказал он. — Нам туда не нужно.

Она не ответила сразу.

Стояла, держась за поручень, и смотрела в проём.

— Связь пропала, — наконец сказала она. — Подъём не работает. Мы зависли.

— Это не повод лезть внутрь.

— Это повод понять, что происходит.

Алексей коротко выдохнул.

— Понять можно и отсюда.

— Нет.

Она сказала это спокойно, без давления, но так, что спорить стало бессмысленно.

— Мы здесь не просто так, — добавила она. — И это явно не природная трещина.

Он снова посмотрел на проём.

Чёрная щель казалась слишком ровной. Слишком правильной. Как будто её не открыли, а просто убрали часть стены, словно сняли крышку.

Изнутри тянуло холодом.

Не тем, который можно измерить датчиком.

Другим.

— Центр, приём, — сказал Алексей. — Вы нас слышите?

В ответ — только треск.

Потом короткий обрывок:

— ...не входите... повторяю... не...

Связь оборвалась.

Они переглянулись.

— Ты слышала? — спросил он.

— Да.

— Значит, всё ясно.

— Не совсем.

Ева шагнула ближе к краю платформы.

Алексей резко схватил её за рукав.

— Подожди.

Она остановилась.

— Мы не знаем, что там, — сказал он. — Ни давления, ни состава воздуха, ни радиации.

Ничего.

— Узнаем.

— Так не работают.

— Сейчас уже не важно, как «работают».

Она аккуратно освободила руку.

— Мы не можем просто висеть и ждать, пока система решит, что с нами делать.

Алексей посмотрел на панель управления.

Индикаторы всё ещё мигали жёлтым. Автоматика пыталась восстановить связь, но безрезультатно.

Он понимал, что она права.

И от этого становилось только хуже.

— Хорошо, — сказал он. — Но сначала проверим.

Он достал портативный сканер и направил его в сторону проёма.

Экран мигнул.

Потом завис.

— Отлично, — пробормотал он. — Ещё один.

Он ударил пальцем по корпусу.

Сканер ожил, но показания были странными.

— Давление... нормальное. Температура... ниже, чем здесь. Радиация... — он насторожился. — нестабильная.

— В каком смысле?

— Скачет. Как будто прибор не может зафиксировать уровень.

Ева наклонилась ближе.

— Дай.

Она взяла сканер, посмотрела на экран.

— Это не помехи, — сказала она. — Это... колебания.

— Чего?

— Не знаю.

Она вернула прибор.

— Но это не выглядит как опасная зона.

— Это вообще ни на что не похоже.

Они снова посмотрели в проём.
Изнутри доносился тот же едва слышный звук.
Теперь он был чуть яснее.
Ритмичный.
Медленный.
Как дыхание.
Алексей сжал поручень.
— Ты это слышишь?
— Да.
— Это не ветер.
— Здесь нет ветра.
Он сделал шаг назад.
— Мне это совсем не нравится.
— Я знаю.
Она включила налобный фонарь.
Луч света ушёл внутрь проёма и исчез.
Словно его поглотили.
— Слишком глубоко, — сказал Алексей.
— Или слишком тёмно.
— Разница есть?
— Есть.
Она закрепила карабин на страховочном тросе.
Щёлкнул замок.
Звук прозвучал слишком громко.
— Ты серьёзно? — спросил Алексей.
— Да.
— Ева...
Она посмотрела на него.
— Мы не первые, кто сюда спустился.
— С чего ты взяла?
Она кивнула на стену рядом с проёмом.
Алексей прищурился.
И увидел.
На серой поверхности, чуть ниже уровня платформы, была тонкая царапина.
Не естественная.
Слишком прямая.
— Это... — он замолчал.
— След, — сказала Ева.
— От чего?
— От инструмента.
Он почувствовал, как по спине прошёл холод.
— Здесь кто-то был до нас.
— Похоже на то.
— Когда?
— Не знаю.
Алексей снова посмотрел на проём.
Теперь он казался ещё темнее.
И ещё глубже.
— Нам нужно сообщить об этом, — сказал он.

— Мы не можем.
— Тогда подняться.
— Пока система не восстановится — нет.
Тишина.
Только тот странный звук изнутри.
Медленный.
Живой.
Алексей закрыл глаза на секунду.
Потом открыл.
— Ладно, — сказал он. — Но вместе.
Ева кивнула.
— Вместе.
Она сделала шаг.
Платформа скрипнула.
Ещё шаг.
Теперь она стояла на самом краю.
Алексей последовал за ней.
Чёрная щель была прямо перед ними.
Настолько близко, что казалось — стоит протянуть руку, и можно коснуться темноты.
— Готов? — спросила Ева.
— Нет.
— Тогда идём.
Она первой шагнула вперёд.
На секунду её силуэт исчез в проёме.
Алексей задержал дыхание.
Потом шагнул следом.
И в тот же момент понял, что внутри что-то изменилось.
Звук.
Он стал громче.
И ближе.
Слишком близко.
Как будто источник был уже не в глубине.
А рядом.
Очень рядом.
Алексей резко обернулся.
Платформа всё ещё была позади.
Свет прожектора освещал край проёма.
Но шахта за ним казалась другой.
Тише.
Дальше.
Как будто он уже отошёл от неё гораздо дальше, чем на один шаг.
— Ева... — сказал он.
Она стояла впереди, освещая путь фонарём.
— Что?
— Ты это чувствуешь?
Она замерла.
— Да.
— Здесь... по-другому.
Она медленно кивнула.

— Здесь нет шахты.
Алексей сглотнул.
И понял, что она права.
Он не слышал больше ни тросов, ни ветра, ни далёких звуков станции.
Только этот ритм.
Медленный.
Глубокий.
И странное ощущение, будто пространство вокруг стало... плотнее.
— Мы прошли слишком мало, — сказал он. — Это невозможно.
Ева не ответила.
Она светила вперёд.
Луч фонаря скользнул по полу.
И впервые они увидели, куда попали.
Это был не тоннель.
Это был коридор.
Гладкие стены.
Ровный пол.
И те же странные знаки, что были на входе.
Только здесь их было больше.
Гораздо больше.
Они тянулись вдоль стен, уходили в темноту, перекрывались, повторялись, как язык,
который никто не должен был увидеть.
Алексей почувствовал, как у него начинает кружиться голова.
— Это не просто шахта, — тихо сказал он.
— Нет.
Ева сделала ещё один шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.